

ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ

Владимир Иванович Коннов

доктор философских наук,
профессор кафедры философии
МГИМО МИД России,
Москва, Россия;
e-mail: v.konnov@inno.mgimo.ru

Дарья Александровна Талагаева

кандидат политических наук,
доцент кафедры английского языка № 6
МГИМО МИД России,
Москва, Россия;
e-mail: d.talagaeva@mail.ru

Конструирование экономики знаний: интеллектуальные и политэкономические контуры

УДК: 304.5; 001.38

DOI: 10.24412/2079-0910-2026-1-83-99

В статье раскрывается процесс преобразования «экономики знаний» из теоретической модели в политическую доктрину и характеризуется влияние, которое она оказывала на глобальные политические и экономические процессы начиная со второй половины 1990-х гг. Основное внимание уделяется анализу документов Организации экономического сотрудничества и развития, которой принадлежала главная роль в формировании этой концепции как основы глобальной экономической стратегии, продвигаемой странами — участницами организации. Обращаясь к методам интеллектуальной истории и международной политэкономии, авторы прослеживают эволюцию «экономики знаний». Акцент делается на том, как в этом процессе отражаются интересы «доминирующего социального блока», образованно-

го транснациональными корпорациями финансового, электронного, фармацевтического и ряда других секторов, регулируемыми экономической деятельностью международной и национальными бюрократиями, а также сегментом научного сообщества, вовлеченного в режим «академического капитализма». В реконструкции политэкономической модели, созданной на основе «экономики знаний», особое внимание уделено роли нематериальных активов и интеллектуальной собственности в современной глобальной экономической системе. Анализ показывает, что, несмотря на кризисы, связанные с реализацией стратегии «экономики знаний», эта концепция сохраняет свое значение, способствуя защите преимущественного положения стран ОЭСР и их экономических элит. В статье подчеркивается асимметричность модели, основанной на «экономике знаний», в отношении распределения доходов мировой экономики.

Ключевые слова: экономика знаний, режим роста, интеллектуальная история, международная политическая экономия, Организация экономического сотрудничества и развития, инновационная политика.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-78-10093.

Введение

С середины 1990-х гг. в международном политическом лексиконе появилось новое понятие, используемое для обозначения передовых экономик, — «экономика знаний». Под ним подразумевалась высшая стадия экономического развития, когда реальное производство перестает играть роль главного источника роста и она переходит к нематериальным активам — к разным видам «знания», которые становятся частью оборота как интеллектуальная собственность, как часть «институциональной памяти» организаций или же как составляющая «человеческого капитала» [Moisio, 2018, p. 67]. Исходно теоретики характеризовали эту новую ступень развития как закономерно следующую за «индустриальной», но начиная с 1990-х гг. «экономика знаний» приобрела характер политической программы, предлагающей набор мер, предположительно способный обеспечить создание такого рода экономики практически в любой стране. Главным условием этой программы была включенность страны в глобальный экономический процесс и готовность играть по его правилам. Считалось, что в этой глобальной системе все смогут найти свою нишу интеллектуального производства и, таким образом, выйти на высокий уровень производительности труда, открывающий путь к росту благосостояния.

Пик популярности «экономики знаний» приходится на период с 1996 по 2008 г.: от момента закрепления этого понятия в обороте Организации экономического сотрудничества и развития [OECD, 1996], сыгравшей роль главного промоутера этих идей, до финансового кризиса в США, когда стало очевидным, что господствующая в мире политэкономическая модель, в которой концепция «экономики знаний» была важной составляющей, не только не гарантирует устойчивый рост, но способна привести к обрушению мировой экономики. Тем не менее 2008 г. не стал

моментом, который бы подвел итог эпохе глобализации, и, соответственно, связанные с ней представления продолжили циркулировать в политических документах. Идея экономики знаний как желанного состояния до сих пор оказывает влияние и на научные разработки, и на политические программы. В таком свете задача настоящей статьи — реконструировать процесс преобразования теоретических положений, которые были заложены в основу этой концепции, в политическую доктрину и эволюцию этой доктрины.

Методология исследования

Предлагаемое исследование опирается на методологию интеллектуальной истории [Кембриджская школа, 2018; Skinner, 2002]. Согласно этому подходу, любое высказывание, включая научные, рассматривается как социальное действие, совершаемое в определенном политическом контексте. Основное внимание мы уделяем публикациям, подготовленным и изданным ОЭСР, которые оправданно рассматривать как выражение общих интересов групп, определяющих направления деятельности международных институтов. Определить же состав этих групп и объединяющие их интересы позволяют подходы современной международной политэкономии, внимание которой сосредоточено на переплетении политических и экономических интересов в международном поле [Афонцев, 2010; Helleiner, 2023]. Данное исследование опирается на модель Б. Амабле, которая предполагает выявление главных направлений социально-экономического развития применительно к разным странам и к разным историческим периодам через анализ взаимосвязей между четырьмя элементами: институциональной структурой, доминирующим социальным блоком, политической стратегией и экономической политикой. Работа этой модели выглядит следующим образом: группы, обладающие весом в экономике, выдвигают стратегии, которые предполагают преобразование общественных институтов так, чтобы удовлетворить собственные интересы и интересы других влиятельных групп, в альянсе с которыми формируется доминирующий социальный блок, приобретающий в случае успеха такой инициативы возможность осуществлять экономическую политику [Amable, 2018]. В соответствии с этой моделью раскрытие содержания политических стратегий предполагает обнаружение инициировавших и поддержавших их групп.

В отношении политической роли экономики принимается точка зрения международной политэкономии, а именно той ее линии, которая склоняется к характеристике глобализации как эпохи «американской гегемонии» [Gill, 1991; Pass, 2019]. Принадлежащие к этой линии авторы признают, что на первый план в эту эпоху выходит «транснациональный капиталистический класс», однако США остаются для него главным центром, влияние которого обеспечивает нужную транснациональному классу конъюнктуру. В связи с этим при анализе социального доминирующего блока акцент делается на политических процессах в США, которые прямо влияют на положение дел в странах западного альянса, военно-политическим отражением которого выступает НАТО, а экономическим — ОЭСР. Главный же предмет рассмотрения статьи — документы ОЭСР, нацеленные на создание интеллектуальной базы для экономики знаний как особого политэкономического «режима роста» [Hall, 2024; Schwartz, 2022].

Социал-либерализм 1990-х в политике и науке

Утверждение концепции экономики знаний как модели, способной обеспечить экономический рост, происходило на фоне политического перелома на Западе в начале 1990-х гг. В США знаковым событием становится поражение на президентских выборах 1992 г. действующего президента Дж. Буша, представлявшего ассоциировавшуюся с неолиберальной экономической моделью рейгановскую коалицию, в основе которой лежал альянс финансового капитала и военно-промышленного комплекса. Исходно эта коалиция была в значительной степени направлена против позиций гражданской бюрократии, приобретшей доминирующее влияние в предшествующую «кейнсианскую» эпоху, и победа Рейгана на выборах 1980 г. знаменовала собой пересмотр баланса сил между государством и капиталом в пользу капитала. Победа же Клинтона в 1992 г. символизировала движение в обратном направлении. Форма, которую оно приобрело, получила отражение в идеях «Третьего пути» — книги британского социолога Э. Гидденса, сыгравшей программную роль для десятилетнего правления идейно близкого к Клинтону лейбориста Т. Блэра в Великобритании. Идеи, выраженные в книге Гидденса, которые обозначались как «рыночная социал-демократия» или «социал-либерализм», заключались в расширении роли государства, но только в качестве устроителя рыночных отношений [Giddens, 1998]. Иначе говоря, государство могло вернуть себе влияние в тех областях, в которых его потеснили частные агенты, действовавшие под неолиберальными лозунгами об эффективности предпринимательского сектора, но исключительно с целью дальнейшего расширения рыночных процессов и с опорой на рыночные инструменты.

В течение 1990-х гг. такой тип политики стал играть ключевую роль практически во всех западных странах: в частности, в Германии этому курсу следовал канцлер Г. Шредер, в Италии — премьер-министр Р. Проди, в Голландии — премьер-министр В. Кок. Политические силы, которые представляли эти лидеры, ставили в качестве главной задачи устойчивый экономический рост. Неолиберальная политика обеспечила высокие показатели лишь на коротком отрезке 1980-х гг. и к тому же усугубила проблему неравномерного распределения доходов, что для большинства граждан означало их стагнацию или даже сокращение. А к 1991 г. динамика главной — американской — экономики даже зашла в поле отрицательных показателей. Возврат к предшествующей, кейнсианской, модели всерьез не рассматривался, так как на нее возлагалась вина за глубокий кризис 1970-х гг., и в поиске решений теории и политики обратились к опыту появившихся в 1980-е гг. новых быстро растущих отраслей.

Безусловным лидером среди них была электронная отрасль, но схожую динамику демонстрировали также биотехнологии, разработка новых материалов и некоторые другие. Объединяющей их чертой был короткий шаг между научными разработками и коммерческим продуктом, а также высокий уровень вовлеченности в их деятельность научных организаций. Эти моменты способствовали тому, чтобы создать науке образ непосредственно действующей силы «новой экономики», а научному сообществу — ее ключевого актора. И эти образы начинают активно продвигаться сложившейся в университетах группой исследователей, преподавателей и администраторов, активно вовлеченных в коммерческую деятельность. С точки зрения отраслевого состава эти группы включают специалистов по научным на-

правлениям, связанным с высокотехнологичным производством, прежде всего с электронным сектором и биотехнологиями, но также с транспортом, энергетикой и некоторыми другими. Со стороны же социогуманитарных наук к ним примыкают гуманитарные исследовательские направления, участвующие в идейном оформлении этого блока [Балышев, Коннов, 2016, с. 99]. Данная группа была меньшинством в научном сообществе, однако связи с корпорациями и доступ к их ресурсам обеспечили ей доминирующее положение и позволили инициировать переход всего научного комплекса к режиму «академического капитализма», характеризуемого сочетанием переориентации научных организаций на коммерческие приоритеты при формальном сохранении за ними особого некоммерческого статуса [Slaughter, Rhoades, 2009].

Эта смена режима была, в сущности, аналогична тому, как изменила свое позиционирование гражданская бюрократия, переключившаяся с функции ограничителя рыночных процессов на образ защитника и подвижника рынка. И эти перемены сделали возможным включение и бюрократии, и научного сообщества в новый социальный блок, формирующийся вокруг сохранившего ведущие позиции в экономике западных стран финансового капитала.

Концептуальная модель «экономики знаний»

«Экономика знаний» была, по сути, экономической программой этого блока. Именно на пике международного влияния социал-либерализма эта концепция приобретает характер универсального рецепта растущей и благополучной экономики. Главным же распространителем этого рецепта выступает ОЭСР — фактическим анонсом «экономики знаний» как политической программы становится первый выпуск «Обзора науки, технологий и промышленности» [OECD, 1996a], который включал раздел «Экономика, основанная на знаниях», в дальнейшем изданный в качестве отдельного документа [OECD, 1996b]. Фигурировавший в названии тип экономики определялся здесь как тот, «который непосредственно опирается на производство, распространение и использование знания и информации» [OECD, 1996a, p. 229]. Обоснование возможности такой экономики задействовало ряд теорий, которые обозначены в начале главы: это «новая теория роста», «информационное общество», «национальные инновационные системы» и «человеческий капитал». То, что первой в этом ряду упомянута «новая теория роста», показательно: в сущности, именно она позволила рассуждать в рамках экономической политики о «знании», которое традиционно было предметом особой, научной политики. Из авторов этой теории главное место в разделе отводится П. Ромеру, основная теоретическая новация которого состояла в отказе от одного из базовых принципов неоклассической экономической теории — убывающей доходности капитала по мере движения к рыночному равновесию. Ромер считал, что эту проблему можно решить за счет определения нового знания, постоянно внедряемого в оборот предпринимателями, как фактора доходности капитала, включенного в расчеты производительности [Romer, 1990, p. S84]. Оптимизму Ромера способствовал развернувшийся в США электронный бум, который демонстрировал беспрецедентную скорость внедрения нового знания в экономический оборот: эталоном служили компьютерные программы, превращающиеся в продукт буквально в момент создания.

В свою очередь информационное общество определено в обзоре как «общество, в котором большинство работников будут в скором производить, обрабатывать и распространять информацию или кодифицированное знание» [OECD, 1996b, p. 232], но представление об этом феномене значительно расширено благодаря используемой в главе классификации знания, выдвинутой Б.-О. Лундваллом, который на тот момент занимал должность заместителя директора Департамента науки, технологий и промышленности (ДНТП) в ОЭСР. Согласно этой классификации, информация составляет лишь часть знания — в терминологии Лундвалла речь идет о «знании что» — знании о фактах, которое может быть разложено на биты и оцифровано. Он добавляет к нему три другие группы: «знание почему» — о закономерностях природы, «знание как» — навыки, и «знание кто» — социальные связи. И по версии ОЭСР экономика знаний включает в себя оборот всех этих составляющих.

В соответствии с этими представлениями предлагается пересмотреть значение «национальных инновационных систем». Этот термин появился в документах ОЭСР в 1980-е гг. на пике влияния неолиберальной экономической политики в качестве заменителя «научных систем». Такая перемена логично вытекала из общей неолиберальной линии на сокращение государственного сектора. «Научная система» подразумевала под собой совокупность организаций, расширяющих научное знание безотносительно его способности приносить прибыль, которые в силу этого не способны работать на коммерческой основе и потому субсидируются государством. Проблема была в том, что по сравнению с взрывным ростом науки и техники в 1940–1960-е гг. часть практически полезного знания, производимого наукой, пошла на убыль, в то время как затраты на научный комплекс были как никогда высокими. При этом большая часть технологических новшеств возникала в тех сегментах научной системы, которые напрямую сотрудничали с коммерческим сектором. И концепция «национальных инновационных систем» была призвана сместить центр тяжести государственной поддержки с государственного научного сектора на высокотехнологичный коммерческий [Коннов, Талагаева, 2023].

Исходно внимание концепции было сосредоточено на фирмах, однако в обзоре 1996 г. акцент сделан на университетах, которые позиционируются как организации, обеспечивающие одновременно создание и максимально широкое распространение знаний. Университету принадлежит центральное место и в теории человеческого капитала. Политическое значение этой теории заключалось в том, что затраты на образование были переопределены из социальных расходов в инвестиции, способные приносить прибыль. В обзоре подчеркнута роль, которую эти инвестиции играют в распространении всех форм знания: фактически это главный макроэкономический инструмент, используя который можно способствовать расширению сетей распространения знания и интенсификации их работы. Представление о том, что затраты на образование должны рассматриваться именно как инвестиции в человеческий капитал, ярко иллюстрировалось опять же успехами электронного сектора. Его особенностью было преобладание расходов на высококвалифицированный труд, и в этой отрасли работники действительно могли предельно быстро окупить свои вложения в образование.

Таким образом, концептуальная модель экономики знаний предполагала принятие следующих постулатов:

1. Практически неисчерпаемый экономический рост может быть обеспечен за счет освоения нового знания.

2. Оборот знания становится главной составляющей высокоразвитых экономик, и его необходимо расширять.
3. Основой эффективной экономики является сеть передачи знаний, в которой ключевую роль играют университеты.
4. Главным макроэкономическим инструментом развития сетей передачи знания являются инвестиции в человеческий капитал.

Экспансия экономики знаний

В следующем выпуске «Обзора науки, технологий и промышленности» центральным тезисом становится увеличение охвата основанной на этом экономической модели. В выпуске 1998 г. в круг отраслей «новой экономики» включены науки о жизни, материаловедение, экология и энергетика [OECD, 1998, p. 14]. Кроме того, в документе отдельно рассматривались перспективы распространить принципы экономики знаний на такие «зрелые» отрасли, как текстильная, сталелитейная, строительная и др. [Ibid., p. 127–162]. Эта тенденция сохраняет главное место и в выпуске 2000 г., который продолжает курс на расширение охвата экономики знаний: помимо отраслей, на которых был сосредоточен предыдущий выпуск, особое внимание уделено здесь сектору услуг [OECD, 2000].

Реакция на обвал рынка интернет-компаний, который стал первым серьезным вызовом для концепции «экономики знаний», нашла отражение в первом выпуске нового десятилетия. О характере этой реакции можно судить уже по названию первой главы — «Укрепление экономики знаний»: ее авторы, по сути, сразу же заявляют, что пересматривать основные положения не планируют, а путь к преодолению кризиса видят в дальнейшем наращивании ранее предложенных мер. В этом контексте крах интернет-компаний объясняется как «корректировка рынка» [OECD, 2002, p. 23], а нереализованные ожидания относительно способности сектора играть роль двигателя экономического роста — как «замедленный эффект от инвестиций в ИКТ» [Ibid., p. 29–30].

«Обзор» 2004 г. отражает своего рода перегруппировку доминирующего блока после того, как его программа потерпела столь явную неудачу. Общая логика здесь состоит в том, что вместо того, чтобы поставить под сомнение модель экономического роста, основанного на новом знании, утверждается, что практики поддержки научного сектора, сфокусированные на тех направлениях, где он наиболее активно сотрудничает с коммерческими организациями, требуют дальнейшего распространения и более последовательной реализации. Роль главной проблемы играет сокращение частного финансирования ИР: упомянуто, что в США в целом оно сократилось на 12%, но при этом объемы особенно важного венчурного финансирования сократились примерно в шесть раз [OECD, 2004, p. 11]. Путь компенсации состоит в том, чтобы «повысить качество и эффективность исследований, финансируемых государством, простимулировать коммерческие инвестиции в исследования и разработки и усилить связи между государственным и частным секторами» [Ibid.]. Получается, что, в то время как бизнес скептически оценивает возможности окупить затраты на исследования, государство должно компенсировать вызванное этим сокращение. Показательно, что приоритетными для государственных расходов заявляются ИКТ, биотехнологии и нанотехнологии — отрасли,

которые ранее как раз заявлялись как наиболее перспективные в коммерческом плане.

В 2005 г. ОЭСР утверждает новую редакцию Руководства Осло — документа, устанавливающего стандарты учета инновационной деятельности, и здесь закрепляется переход от взгляда через концепцию «национальных инновационных систем» к «экономике знаний». Если предшествующие две редакции руководства [OECD, 1992, 1997] подразумевали под инновациями главным образом технологические изменения, то теперь прямо заявляется, что понятие инновации — шире, чем технологии, и охватывает любые изменения, повышающие эффективность фирмы и «способствующие приросту знания» [ОЭСР, 2006, с. 15], в том числе связанные с установлением связей между коммерческими фирмами и организациями некоммерческого сектора [Там же, с. 55].

К 2006 г. западные экономики восстановились после кризиса: как важный показатель этого в «Обзоре науки, технологий и промышленности» 2006 г. расценивается рост совокупных расходов стран ОЭСР на ИР, который по итогам 2004 г. на 10% превысил показатели 2000 г. [OECD, 2006, р. 9]. Но основная часть восстановления была достигнута за счет наращивания государственных расходов. Соответственно, в качестве центральной проблемы в докладе рассматривается необходимость увеличить частные расходы на ИР, но достигать этого предлагается с помощью дальнейшего расширения государственных мер, в том числе налоговых льгот, которые должны создать стимулы для частных инвестиций. В результате складывается картина, в которой цель роста инновационной деятельности в частном секторе оправдывает расширение централизованной научно-технологической политики, — в докладе, в частности, отмечена тенденция к принятию странами ОЭСР правительственных стратегий инновационного развития и созданию специализированных структур для координации мер на этом направлении. Эта тенденция усиливает позиции государственного научного сектора, но только той его части, которая обладает связями с корпорациями, то есть сегмента, представляющего «академический капитализм», в то время как государственному научному сектору в целом адресовано ужесточение условий финансирования — в форме «улучшенных практик оценки» [Ibid., р. 177–197].

В «Обзоре» 2008 г. заметнее становятся международные контуры доминирующего блока. В качестве главной цели инновационной политики обозначен рост участия национальных компаний стран ОЭСР в глобальных цепочках создания стоимости, контролируемых транснациональными корпорациями. Причем подчеркнуто, что это участие должно быть организовано таким образом, чтобы обеспечить преимущественные условия для иностранных инвестиций, иначе говоря — расширить возможности иностранного контроля предприятий [OECD, 2008, р. 13]. Более того, как положительная тенденция подан переход от региональных инновационных кластеров к международным.

Реакция ОЭСР на финансовый крах 2008 г. отражена в «Обзоре» 2010 г., и главная линия — это усиление бюрократической стороны блока. Обзор открывает утверждение: путь к восстановлению экономик — в науке и технологиях. Подход же к ним должен стать более централизованным, что требует расширения полномочий ведомств инновационной политики. Эта политика не может быть нацелена только на поддержку роста экономической производительности, ее целью должен стать организованный ответ на «глобальные вызовы». И впервые в серии корпоративному

сектору ставится на вид имитация инновационной деятельности ради получения соответствующих налоговых льгот. Общая позиция о необходимости использовать в политике рыночные инструменты сохранена, но при этом подчеркивается, что главная роль все так же — за прямым финансированием ИР, а в качестве важных мер поддержки упоминаются государственные программы со стороны «спроса» — закупки, стандартизация, поддержка конечных пользователей [OECD, 2010, p. 12]. Налицо возврат типичных элементов кейнсианской модели, подразумевающих бюрократическое перенаправление средств в экономике.

Выпуск 2012 г. продолжает курс на усиление бюрократии. Здесь появляются специально выделенные группы «социетальных» целей: «зеленый рост и окружающая среда», «старение и здоровье», «инновации для развития» [OECD, 2012, p. 15]. Введение таких категорий, естественно, подразумевает расширение поля деятельности бюрократии, но одновременно здесь просматриваются отраслевые приоритеты социального блока: фармацевтическая отрасль и медицинский комплекс явно выигрывают от новой политики («старение и здоровье»), в то время как ресурсодобывающая отрасль напрямую маргинализируется («зеленый рост и окружающая среда»). Последняя же составляющая этих целей указывает на ту схему глобального разделения труда, которая служит опорой для доминирующего блока: продвигаемые здесь «инклюзивные инновации» вовсе не означают выравнивание стран с точки зрения научно-технологического развития, напротив, прямо говорится, что «научная база мирового уровня не составляет обязательного условия для инновационной деятельности» [Ibid.] и большинство стран могут участвовать в инновационном процессе, внедряя готовые технологии, что, конечно же, означает расширение рынка для стран — научно-технологических лидеров.

В «Обзоре» 2014 г. картина, в которой главная цель инновационной политики ОЭСР — сохранение существующих глобальных цепочек стоимости за счет централизованного управления — прописана еще отчетливее. В качестве главной цели для правительств обозначено выстраивание «исследовательских “экосистем”, которые поощряют прямые зарубежные инвестиции» и «интеграция новых фирм, в том числе малых и средних предприятий, в глобальные цепочки создания стоимости» [OECD, 2014, p. 15]. В плане же средств достижения этих целей показательно, что к инновационной политике применяется «системный подход» [Ibid., p. 16] — термин, чрезвычайно популярный в «кейнсианские» 1960-е и прямо указывающий на централизованное управление [Коннов, 2020]. О смещении к кейнсианским моделям также говорит и возвращение понятия «промышленной политики» — ключевой составляющей политического оборота 1960–1970-х, практически полностью вытесненной в неолиберальные 1980-е.

В следующем выпуске тенденция к централизации лишь усиливается: на первом плане здесь понятие «мегатренды» — «крупномасштабные социальные, экономические, политические, экологические или технологические изменения, которые <...> оказывают глубокое и длительное влияние на многие, если не на большинство направлений человеческой деятельности, жизненных процессов и восприятия реальности» [OECD, 2016, p. 21], — сюда относятся рост населения, изменения климата, глобализация и др. Такой масштаб проблем ожидаемо задает необходимость ответа на уровне общества в целом, но, как указано в обзоре, эффективной реакции способны помешать «размер государственного долга, обостряющиеся международные угрозы безопасности, возможное размывание социальной сплоченности и подъем

негосударственных акторов, создающих препятствия власти правительств и их способности действовать» [Ibid., p. 17]. Очевидным образом устранение этих препятствий ведет к дальнейшему росту влияния правительственных бюрократий.

Линия на усиление централизованного управления сохраняется и в выпуске 2018 г. В качестве задач правительств упоминается определение направлений инновационной деятельности, которые могут способствовать «устойчивому развитию», а также надзор над использованием передовых технологий [OECD, 2018b, p. 21]. И здесь раскрывается модель, по которой теперь идет взаимодействие между группами, включенными в социальный блок, — «участие заинтересованных сторон» (stakeholder involvement). Данная модель подразумевает, что, хотя в качестве основного актора все так же действует коммерческая корпорация, лица, чьи интересы затрагивает ее деятельность, могут претендовать на участие в ее управлении. Но, конечно же, такое участие возможно только при наличии политической поддержки, позволяющей добиться от корпораций признания той или иной группы в качестве «заинтересованной стороны».

В 2018 г. также выходит последняя, действующая на сегодняшний день, редакция Руководства Осло. Здесь понятие инновации расширяется до предела и теперь включает любой новый «продукт или процесс», создающий «добавленную стоимость» для любой «хозяйственной единицы», включая некоммерческие организации [OECD, 2018a, p. 46–47]. Речь идет о максимальном расширении представлений об объектах, которые могут стать нематериальными активами, и о субъектах инноваций, круг которых более не сводится к предпринимателям, как это было в исходном понимании инновационной деятельности [Коннов, Талагаева, 2023]. Очевидно, что здесь ОЭСР пытается максимально расширить охват подконтрольной западному блоку «экономики знаний».

Режим «экономики знаний» в 2020-е

Групповые интересы обретают наибольшую отчетливость при столкновении с противодействием, и в выпуске «Обзора» 2021 г., в котором речь идет о политической реакции на пандемию COVID-19, подвергнутой критике в самих странах ОЭСР, очертания доминирующего блока проступают особенно выпукло. По сути дела, пандемия совпала с попыткой перестроить блок в США, ассоциирующийся с избранием президентом Д. Трампа. Его администрация опиралась на поддержку ресурсодобывающего сектора, сумевшего благодаря принятым администрацией мерам за предельно короткий срок вывести США на первое место в мире по добыче углеводородов [Rapier, 2020], а также на промышленность, в интересах которой была развязана «торговая война» с Китаем [Swanson, 2018]. В ходе пандемии трамповская администрация попыталась вовлечь в свой блок поддержки фармацевтические корпорации, которые получили огромные субсидии и уникальные возможности для сбыта своей продукции, а также компании электронного сектора, чья монопольная позиция значительно укрепилась в период локдаунов, чему не было оказано никакого административного противодействия. Одновременно Трамп пытался инициировать курс на сокращение роли федеральной бюрократии, получивший публичное отражение как борьба с «глубинным государством». В итоге попытка перестройки блока оказалась неудачной: в противостоянии президента и бюрократии электрон-

ные монополисты и медицинский сектор поддержали последнюю, что было особенно заметно в ходе президентских выборов 2020 г.

«Обзор» ОЭСР 2021 г. отчетливо коррелирует с позицией блока, выступившего на стороне Дж. Байдена. Что характерно, этот блок включал в том числе и сотрудников международных организаций, к которым администрация Трампа относилась с почти не прикрытой враждебностью. В документе фактически представлен план консолидации блока в области научной и инновационной политики. Главная линия в отношении науки — это целенаправленное усиление сегмента «академического капитализма». Все предложенные здесь меры прямо отвечают интересам альянса высокотехнологичных корпораций и вовлеченной в их деятельность части научного сообщества. Во-первых, это концентрация поддержки на «приоритетных направлениях» — эти направления ожидаемо связаны с возможностью коммерциализации результатов, и в их выборе главную роль играют корпоративные интересы. Во-вторых, развитие «практик распространения исследовательских результатов», возникших в условиях пандемии COVID-19, и «движения за открытую науку» [OECD, 2021, p. 33]. Эти инициативы предполагают перераспределение контроля над публикацией научных данных от издательских корпораций, владеющих научными журналами, к интернет-монополиям. Идея свободного доступа к публикациям в конечном счете нацелена на разрушение научных структур, сложившихся в кейнсианский период и ранее, в пользу практик «академического капитализма». В-третьих, поднимается вопрос «разнообразия» исследовательских кадров [Ibid.], фактически означающего увеличение предложения рабочей силы в сфере исследований и разработок, что, в свою очередь, ведет к снижению стоимости труда в этой области.

В отношении же «ключевых вопросов» инновационной деятельности в бизнес-секторе фактически предлагается программа государственного заказа в интересах участвующих в блоке отраслей. Государственное финансирование предложено сосредоточить в областях, которые корпорации ассоциируют с «гарантированным спросом в будущем» (в качестве единственного примера приведены «экологически возобновляемые технологии»), использовать инновационную политику для коррекции «инвестиционного дисбаланса» путем стимулирования стартапов и других малых предприятий (которые принимают на себя риски разработки новых продуктов, а в редких случаях успеха приобретаются монополистами), «сократить глобальные цепочки создания стоимости» в области медицинского оборудования — иначе говоря, усилить концентрацию контроля над его производством — и расширить охват электронных коммуникаций [Ibid.]. Очевидным образом эти меры работают в интересах фармацевтического и электронного секторов.

Если в выпуске 2021 г. речь идет о консолидации блока, то в выпуске 2023 г. открыто указаны его противники на международной арене. Главная угроза — утрата технологического лидерства, которое «долгое время обеспечивало экономическое процветание и безопасность стран ОЭСР» [OECD, 2023, p. 44]. И совершенно нехарактерным для документов ОЭСР образом прямо указан субъект этой угрозы: «Китай внедрил масштабные меры индустриальной политики для поддержки “национальных чемпионов” и поглощал компании за рубежом, преследуя цель сократить технологическое отставание. Эти действия расцениваются странами с либеральными рыночными экономикой как деформирующие условия конкуренции и препятствующие реализации правил глобального экономического оборота» [Ibid., p. 46].

И тем самым Китай, по оценке авторов доклада, «открыл новую эпоху напряженно-стратегического соперничества» [*Ibid.*]

В этом контексте ОЭСР предлагает пересмотреть инновационную политику стран-участниц, введя следующие меры: сокращение технологической взаимозависимости и ограничение оборота технологий; повышение конкурентоспособности промышленности через инвестиции в инновации; укрепление связей между странами-единомышленницами в научно-технологической сфере [*Ibid.*, р. 43]. Авторы обзора не скрывают, что реализация этих мер фактически будет означать разрушение глобальной экономики, с прогнозируемым падением мирового ВВП на 5% и формированием двух экономических зон влияния: одной — вокруг «либеральных экономик», и другой — ориентированной на Китай.

Открытое признание конфронтации означает утрату способности блока выступать в качестве признанного мирового лидера. Основой этого лидерства как раз и служила модель «экономики знаний», в рамках которой преимущественное положение западных стран должно было обеспечиваться их научно-технологическими комплексами, создающими устойчивый поток инноваций. По наблюдениям ряда экономистов, «экономика знаний» стала теоретическим оформлением нового «режима роста», сменившего в конце XX в. предшествующий ему неолиберальный режим [*Hall, 2024; Schwartz, 2022*]. И если общей целью неолиберального режима было максимальное извлечение прибыли из материальных активов, то теперь фокус внимания сместился на нематериальные: весь комплекс ассоциируемых с новым режимом политических мер в конечном счете нацелен на их воспроизводство и защиту.

Ставка на нематериальные активы соответствовала сложившейся в 1990-е гг. структуре глобальной экономики, в которой можно выделить три уровня: первый составляют фирмы, основным актив которых — интеллектуальная собственность, второй — фирмы с высоким уровнем материального капитала и третий — фирмы, извлекающие прибыль главным образом из эксплуатации труда. Возможность выделения организаций, оперирующих почти исключительно нематериальными активами, возникла в результате ряда процессов: это дробление промышленных конгломератов, осуществленное на неолиберальном этапе под предлогом необходимости специализации компаний; глобализация, значительно расширившая возможности эксплуатировать зарубежный труд; и целенаправленное расширение защиты исключительных прав. В результате возникли условия для формирования транснациональных конгломератов, связанных главным образом контрактами об использовании интеллектуальной собственности. Г. Шварц в принципе считает, что сложившуюся экономическую систему точнее характеризовать не как «экономику знаний», а как «экономику франшиз» [*Schwartz, 2022, р. 75*]. В этой системе договоры, заключенные между формально самостоятельными компаниями, обеспечивают передачу основной части прибыли, полученной в капиталоемком и в трудоемком производстве, корпорациям, занятым главным образом управлением нематериальными активами. В результате основная часть прибыли от производства, например, мобильных телефонов перетекает от капиталоемкого производства (чипы, экраны, корпуса) и трудоемкого производства (сборка и упаковка) к владельцам торговых марок и патентов на устройство, дизайн и программное обеспечение. В этом плане наиболее показательным в «Обзоре» 2023 г. оказывается понимание «правил и норм глобальной экономики»: по факту речь идет о предельном усилении режимов охра-

ны интеллектуальной собственности, которое расширяет возможности извлечения прибыли ее владельцами.

Заключение

В качестве главного основания для преимуществ, которые приобретают компании, оперирующие нематериальными активами, концепция экономики знаний приводит к стимулированию их инновационной деятельности. Однако выясняется, что деятельность главных игроков этого типа экономики в большей степени, чем на создание новых технологических решений, нацелена на подавление любых новшеств, угрожающих их монополиям, в том числе на поглощение потенциальных конкурентов — показательны в этом плане приобретения корпорации *Facebook* (в настоящее время *Meta*)¹ — *Instagram* в 2012 г. за 1 млрд долл., *WhatsApp* — в 2014 г. за 19 млрд долл., совершенные с целью заблокировать их развитие конкурентов своей сети [*Giblin, Doctorow, 2022*]. Все это, конечно, не означает, что крупные игроки «экономики знаний» не ведут собственные разработки, но этот род деятельности — явно не основной источник их прибыли. Главным для этих корпораций остается контроль, который интеллектуальная собственность обеспечивает над юридически отделенными от них капиталоемкими и трудоемкими производствами.

Собственно, на этом ресурсе и зиждется доминирующий социальный блок. Финансовые корпорации, владеющие крупными долями во всех ключевых компаниях, относящихся к «экономике знаний», получают возможность эксплуатировать практически весь мировой производственный потенциал; бюрократия, переведенная в социал-либеральный режим поддержки рынков, наращивает влияние в том числе за счет расширения компетенции международных организаций и охвата продвигаемых ими стандартов; научному сообществу, перешедшему к модели «академического капитализма», открывается доступ одновременно и к государственным, и к частным ресурсам при условии, что его деятельность способствует созданию новых исключительных прав.

Этот режим имеет отчетливую географическую локализацию. В международном срезе транснациональных по своему характеру групп, включенных в доминирующий блок, определенно преобладают представители западных стран: за ними сохраняется контроль над мировыми финансами, они имеют определяющее влияние в международной бюрократии и им принадлежит большинство университетов и других научных центров мирового уровня. И именно в этих странах сконцентрирован верхний уровень «экономики» знаний, которому удается аккумулировать интеллектуальную собственность и изымать значительную часть прибыли от мирового производства, расположенного по преимуществу уже за пределами стран ОЭСР. И если на ранних этапах участие в глобальной системе, конструируемой западными странами, предоставляло другим участникам значимые преимущества, в том числе быстрый доступ к технологиям, еще не получившим повсеместного распространения, и к капиталу, избыток которого был сосредоточен на Западе, то с течением времени искусственный характер конструкции становился все более явным. В настоящее же время напряжение между странами, расположенными на разных уровнях «эконо-

¹ Корпорация «Meta» признана экстремистской и запрещена в России.

мики знаний», достигло той степени, когда даже остро заинтересованная в сохранении существующей системы ОЭСР вынуждена его признать. Но при этом линия на сохранение системы привилегированного положения владельцев нематериальных активов сохраняется, и речь все еще идет о «нарушениях» «правил и норм глобальной экономики», а не о пересмотре этих правил.

Источники

- ОЭСР. Руководство Осло. Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям. 3-е изд. М.: ЦИСН, 2006. 192 с.
- OECD. Proposed Guidelines for Collecting and Interpreting Technological Innovation Data. Oslo Manual. Paris: OECD, 1992. 62 p.
- OECD. The Knowledge-Based Economy. Paris: OECD, 1996a. 45 p.
- OECD. Science, Technology and Industry Outlook 1996. Paris: OECD, 1996b. 308 p.
- OECD. Proposed Guidelines for Collecting and Interpreting Technological Innovation Data. Oslo Manual. 2nd ed. Paris: OECD, 1997. 93 p.
- OECD. Science, Technology and Industry Outlook 1998. Paris: OECD, 1998. 292 p.
- OECD. Science, Technology and Industry Outlook 2000. Paris: OECD, 2000. 258 p.
- OECD. Science, Technology and Industry Outlook 2002. Paris: OECD, 2002. 327 p.
- OECD. Science, Technology and Industry Outlook 2004. Paris: OECD, 2004. 234 p.
- OECD. Science, Technology and Industry Outlook 2006. Paris: OECD, 2006. 248 p.
- OECD. Science, Technology and Industry Outlook 2008. Paris: OECD, 2008. 258 p.
- OECD. Science, Technology and Industry Outlook 2010. Paris: OECD, 2010. 279 p.
- OECD. Science, Technology and Industry Outlook 2012. Paris: OECD, 2012. 462 p.
- OECD. Science, Technology and Industry Outlook 2014. Paris: OECD, 2014. 476 p.
- OECD. Science, Technology and Innovation Outlook 2016. Paris: OECD, 2016. 191 p.
- OECD. Oslo Manual 2018: Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation, 4th ed. Paris: OECD, 2018a. 256 p.
- OECD. Science, Technology and Innovation Outlook 2018. Paris: OECD, 2018b. 316 p.
- OECD. Science, Technology and Innovation Outlook 2021. Paris: OECD, 2021. 204 p.
- OECD. Science, Technology and Innovation Outlook 2023. Paris: OECD, 2023. 224 p.

Литература

- Афонцев С.А.* Политические рынки и экономическая политика. М.: КомКнига, 2010. 384 с.
- Бальшев А.В., Коннов В.И.* Глобальная наука и национальные научные культуры // Международные процессы. 2016. № 3. С. 96–111.
- Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 632 с.
- Коннов В.И.* Программы научной политики: парадигмальный анализ // Полис. 2020. № 1. С. 9–21.
- Коннов В.И., Талагаева Д.А.* Понятие «инновации» как политический инструмент: от линейной инновационной модели к «треугольнику знаний» // Полис. 2023. № 5. С. 29–44.
- Amable B.* Diversity and the Dynamics of Capitalism // European Journal of Economics and Economic Policies. 2018. No. 2. P. 238–248. DOI: 10.4337/EJEEP.2018.02.13.
- Helleiner E.* The Contested World Economy. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. 306 p.

- Giblin R., Doctorow C.* Chokepoint Capitalism. Boston: Beacon Press, 2022. 303 p.
- Giddens A.* The Third Way. Cambridge: Polity Press, 1998. 166 p.
- Gill S.* American Hegemony and the Trilateral Commission. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 304 p.
- Hall P.* Growth Regimes // Business History Review. 2024. Iss. 1. P. 259–283.
- Moisio S.* Geopolitics of the Knowledge-Based Economy. New York: Routledge, 2018. 182 p.
- Pass J.* American Hegemony in the 21st Century: A Neo Neo-Gramscian Perspective. New York: Routledge, 2019. 266 p.
- Rapier R.* Did the U.S. Become the World's Top Oil Producer under President Trump? // Forbes. 2020. September 29. Available at: <https://www.forbes.com/sites/rrapier/2020/09/29/did-the-us-become-the-worlds-top-oil-producer-under-president-trump/?sh=1e4ac60c20dd> (date accessed: 21.03.2025).
- Romer P.* Endogenous Technological Change // Journal of Political Economy. 1990. No. 5. Part 2. P. S71–S102.
- Schwartz H.* From Fordism to Franchise: Intellectual Property and Growth Models in the Knowledge Economy / Eds. L. Baccaro, M. Blyth, J. Pontusson. The Diminishing Returns. New York: Oxford University Press, 2022. P. 74–97.
- Skinner Q.* Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 209 p.
- Slaughter S., Rhoades G.* Academic Capitalism and the New Economy. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2009. 384 p.
- Swanson A.* Trump's Trade War with China Is Officially Underway // The New York Times. 2018. July 5. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/07/05/business/china-us-trade-war-trump-tariffs.html> (date accessed: 21.03.2025).

Constructing the Knowledge Economy: Intellectual and Political-Economic Outline

VLADIMIR I. KONNOV

MGIMO University,
Moscow, Russia;
e-mail: v.konnov@inno.mgimo.ru

DARIA A. TALAGAEVA

MGIMO University,
Moscow, Russia;
e-mail: d.talagageva@mail.ru

The article deals with the evolution of the “knowledge economy” from a theoretical model into a political doctrine and the influence it has had on global political and economic processes since the second half of the 1990s. The analysis is focused on the OECD publications, which played a major role in the emergence of the “knowledge economy” as the basis of the global economic strategy promoted by the member-countries of the organization. The analysis applies the methods of intellectual history and international political economy, these methods allow to show how the concept of “knowledge economy” evolved to reflect the interests of the “dominant social bloc” formed by transnational corporations of financial, electronic, pharmaceutical and other sectors, international and national

bureaucracies charged with the regulation of the economy, and the segment of the scientific community involved in the regime of “academic capitalism.” In the reconstruction of the political and economic model created on the basis of the “knowledge economy,” special emphasis is placed on the role of intangible assets and intellectual property in the modern global economic system. The analysis shows that despite the crises associated with the implementation of the strategy based on the “knowledge economy,” this concept retains its importance, helping to protect the privileged position of the OECD countries and their economic elites. The article emphasizes the asymmetry of the model based on the “knowledge economy” with regard to the distribution of income of the world economy.

Keywords: knowledge economy, growth regime, international political economy, Organization for Economic Cooperation and Development, innovation policy.

Acknowledgment

The research was carried out with support from the Russian Science Foundation (RSF) according to the research grant no. 23-78-10093.

References

- Afontsev, S.A. (2010). *Politicheskiye rynki i ekonomicheskaya politika* [Political markets and economic policy], Moskva: KomKniga (in Russian).
- Amable, B. (2018). Diversity and the Dynamics of Capitalism, *European Journal of Economics and Economic Policies*, no. 2, 238–248. DOI: 10.4337/EJEEP.2018.02.13.
- Atnashev, M., Velizhev, T. (Comps.). (2018). *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noy istorii* [Cambridge school: theory and practice of intellectual history], Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye (in Russian).
- Balyshv, A.V., Konnov. V.I. (2016). Global'naya nauka i natsional'nyye nauchnyye kul'tury [Global science and national scientific cultures], *Mezhdunarodnyye protsessy*, no. 3, 96–111 (in Russian).
- Helleiner, E. (2023). *The Contested World Economy*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Giblin, R., Doctorow, C. (2022). *Chokepoint Capitalism*, Boston: Beacon Press.
- Giddens, A. (1998). *The Third Way*, Cambridge: Polity Press.
- Gill, S. (1991). *American Hegemony and the Trilateral Commission*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Hall, P. (2024). Growth Regimes, *Business History Review*, iss. 1, 259–283.
- Konnov, V.I. (2020). Programmy nauchnoy politiki: paradigmalnyy analiz [Science policy programs: a paradigmatic analysis], *Polis*, no. 1, 9–21 (in Russian).
- Konnov, V.I., Talagaeva, D.A. (2023). Ponyatiye “innovatsii” kak politicheskiy instrument: ot lineynoy innovatsionnoy modeli k “treugol'niku znaniy” [“Innovations” as a policy instrument: from the linear model of innovation to the “knowledge triangle”], *Polis*, no. 5, 29–44 (in Russian).
- Moisio, S. (2018). *Geopolitics of the Knowledge-Based Economy*, New York: Routledge.
- OECD (1992). *Proposed Guidelines for Collecting and Interpreting Technological Innovation Data*. Oslo Manual, Paris: OECD.
- OECD (1996a). *The Knowledge-Based Economy*, Paris: OECD.
- OECD (1996b). *Science, Technology and Industry Outlook*, Paris: OECD.
- OECD (1997). *Proposed Guidelines for Collecting and Interpreting Technological Innovation Data*. Oslo Manual, 2nd ed., Paris: OECD.
- OECD (1998). *Science, Technology and Industry Outlook*, Paris: OECD.
- OECD (2000). *Science, Technology and Industry Outlook*, Paris: OECD.

- OECD (2002). *Science, Technology and Industry Outlook*, Paris: OECD.
- OECD (2004). *Science, Technology and Industry Outlook*, Paris: OECD.
- OECD (2006). *Science, Technology and Industry Outlook*, Paris: OECD.
- OECD (2008). *Science, Technology and Industry Outlook*, Paris: OECD.
- OECD (2010). *Science, Technology and Industry Outlook*, Paris: OECD.
- OECD (2012). *Science, Technology and Industry Outlook*, Paris: OECD.
- OECD (2014). *Science, Technology and Industry Outlook*, Paris: OECD.
- OECD (2016). *Science, Technology and Innovation Outlook*, Paris: OECD.
- OECD (2018). *Oslo Manual: Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation*, 4th ed., Paris: OECD.
- OECD (2018a). *Science, Technology and Innovation Outlook*, Paris: OECD.
- OECD (2021). *Science, Technology and Innovation Outlook*, Paris: OECD.
- OECD (2023). *Science, Technology and Innovation Outlook*, Paris: OECD.
- OESR (2006). *Rukovodstvo Oslo* [Oslo Manual], Moscow: TsISN (in Russian).
- Pass, J. (2019). *American Hegemony in the 21st Century: A Neo Neo-Gramscian Perspective*, New York: Routledge.
- Rapier, R. (2020). Did the U.S. Become the World's Top Oil Producer under President Trump?, *Forbes*, September 29. Available at: <https://www.forbes.com/sites/rapier/2020/09/29/did-the-us-become-the-worlds-top-oil-producer-under-president-trump/?sh=1e4ac60c20dd> (date accessed: 21.03.2025).
- Romer, P. (1990). Endogenous Technological Change, *Journal of Political Economy*, no. 5, part 2, S71–S102.
- Schwartz, H. (2022). From Fordism to Franchise: Intellectual Property and Growth Models in the Knowledge Economy, in: L. Baccaro, M. Blyth, J. Pontusson (Eds.), *The Diminishing Returns* (pp. 74–97), New York: Oxford University Press.
- Skinner, Q. (2002). *Visions of Politics*, vol. 1: Regarding Method, Cambridge: Cambridge University Press.
- Slaughter, S., Rhoades, G. (2009). *Academic Capitalism and the New Economy*, Baltimore: The Johns Hopkins University Press.
- Swanson, A. (2018). Trump's Trade War with China Is Officially Underway, *The New York Times*, July 5. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/07/05/business/china-us-trade-war-trump-tariffs.html> (date accessed: 21.03.2025).